

А. Бринский,
Герой Советского Союза

БАТЯ

(О Линькове Г. М.)

Впервые о Бате мы услышали в сентябре 1941 года. Обстановка была тяжелая. Мы не имели связи с Большой землей, и еще окончательно не решили, где будем зимовать — в деревнях или в лесу.

В это время до нас и дошли слухи, что где-то недалеко от Орши приземлились советские парашютисты и ушли в Березинские леса, к озеру Палик. Потом эти сведения подтвердились.

Мы выслали несколько групп партизан на поиски. И вот одна из них встретила с парашютистами, которых возглавлял капитан Архипов — начальник штаба Бати. Мы присоединились к этой группе и вместе с ней пришли в лагерь Бати.

Одетый в синий ватник парашютиста, он сидел на толстом бревне, согнувшись и опираясь локтями о колени, грел над огнем руки. Мне показались его руки необыкновенно длинными и цепкими. Сам он в неровном мигающем

свете костра выглядел пожилым, почти старым, да я, по правде сказать, и ожидал увидеть его именно таким, ведь он — Батя. Даже удивился, что у него нет бороды. Когда он поднялся нам навстречу, я отпрапортовал:

— Гурецкий партизанский отряд прибыл в ваше распоряжение.

— Здравствуйте, садитесь, расскажите, что у вас за люди? Как вы очутились в тылу врага?

Со всеми подробностями я рассказывал Бате о своей службе на одном из участков западной границы, о том, как мы встретили врага, о героизме наших воинов в первые дни войны.

Беседа затянулась. Батя говорил о Большой земле, о наших задачах, о своем отряде. Рассказал и о себе. Он действительно не молод — пятый десяток идет. Григорий Матвеевич Линьков был родом из Оренбургской области. Член партии с 1918 года, по специальности военный инженер, партизанил в гражданскую, любитель леса, заядлый охотник.

Григорий Матвеевич рассказал, как неудачно выброшен был отряд, не там, где намечалось. При этом погиб начальник связи, у которого был шифр для радиопередач. В результате все радиостанции отряда только принимали вести с Большой земли, а работать на передачу не могли.

— Значит, не все мы предусмотрели, когда собирались лететь, — закончил Батя. — Нельзя было давать шифр только одному человеку. Не предусмотрели. А для партизана каждая упущенная мелочь может стоить жизни.

Слушая Линькова, я проникся к нему большим уважением.

— Кажется, мы заговорились, — сказал он в заключение беседы и распорядился, чтобы вызвали Сашку Волкова. Так и назвал.

Явился совсем еще юный круглолицый десантник.

— Будешь у майора адъютантом, а сейчас подготовь место для отдыха.

Лагерь затих, костры догорали, партизаны давно уже спали, кто в шалаше, а кто просто, свернувшись калачиком, возле костра.

С этого дня наш Гурецкий отряд вошел в состав 1-го Белорусского партизанского отряда особого назначения. Я был назначен заместителем Бати. Комиссаром был Кеймах, начальником штаба — Архипов.

Вскоре после нашего присоединения к отряду Бати он сказал мне:

— Завтра вечером организуем народное ополчение в Липовце. Надо продумать текст присяги для ополченцев.

Наша разведка еще днем сообщила, что немцев в Липовце нет, а старосту, которому заранее было поручено собрать людей, партизаны знали как надежного человека. И все-таки мы двигались к деревне тихо, скрытно окружили ее, выставили заслоны со стороны Краснолук и Лепеля.

Моросило. Стояла непроглядная темнота — ни огонька, ни звездочки. Но деревня полна была приглушенных звуков: шаги, скрип калитки, тихие неясные разговоры.

Когда мы вошли в дом, там было полно народу. С трудом протиснулись к столу.

Григорий Матвеевич окинул взглядом собравшихся и сразу начал с рассказа о войне, о положении на фронтах, о том, что фашисты рвутся к Москве, но столица превратилась в неприступную крепость. Всего месяц назад он сам был там и видел, как создается народное ополчение. Тысячи людей взялись за винтовки. Тысячи женщин и подростков идут с лопатами, топорами строить вокруг города доты, дзоты, копать противотанковые рвы, окопы, сооружать непроходимые линии надолб. Под огнем и под бомбами они выполняют свое патриотическое дело.

Жители оккупированных немцами областей не могут оставаться в стороне от этой всенародной борьбы. По примеру жителей Москвы и Ленинграда они должны создавать группы народного ополчения. Все мужчины призывного возраста обязаны активно участвовать в их работе, а остальные — по мере сил помогать им. Вот и в Липовце создается группа народного ополчения.

— Не надо думать, — сказал Батя в заключение, — что гитлеровцы кошки, а мы мышки и нам нужно от них спасаться. Наоборот, мы — хозяева, мы на своей земле, а они — разбойники, воры, и пусть им будет жутко на нашей земле, пусть они ожидают смерть от каждого куста, от каждого дома! Бейте их, вредите им, и они будут вас бояться!

Люди слушали, затаив дыхание. Лица их были строги, внимательны и тревожны. Чувствовалось, что они понимают всю сложность и трудность положения.

Потом Батя предоставил слово Черкасову. Тот зачитал приказ, в котором говорилось, что все граждане призывного

возраста являются военнообязанными и должны находиться в партизанских отрядах или в группах народного ополчения и вести активную борьбу против гитлеровских захватчиков и их пособников, что в деревне Липовец создается группа народного ополчения. Командиром группы назначается Булай Виктор Васильевич...

В наступившей тишине Батя спросил:

— Ясно, товарищи?

— Ясно! — раздалось сразу несколько голосов.

— Теперь прошу покинуть помещение. Остаться только тем, кто решил вступить в отряд ополчения.

Недолгая толкотня у дверей. Шарканье ног. Потом опять тишина. В хате остались будущие ополченцы и мы.

— Товарищи ополченцы, — сказал Батя, — сейчас вам зачитают присягу и примут ее от вас. После принятия присяги получите первое боевое задание... Товарищ Бринский!

Я вышел на середину хаты.

— Встать! Повторяйте все. — И начал читать медленно, с остановками. Казалось, что голоса, повторявшие слова присяги, не вмещаются в комнате. Головы были обнажены, лица торжественны и суровы. Люди знали, что, давая клятву, они включаются в тяжелую борьбу с сильным и жестоким врагом. И они особенно твердо повторяли: «Я клянусь, что буду до конца предан своему народу. Я клянусь, что буду мстить врагу за честь своей Родины, за слезы матерей, жен и детей...»

Когда затихли слова присяги, ополченцы все еще стояли с непокрытой головой. Батя объявил, что в эту же ночь группа должна уничтожить телефонную связь между Холопеничами и Краснолуками, подпилить сваи мостов на дороге Краснолуки — Столбец.

Так мирные жители лесной белорусской деревни вместе с партизанами активно вступили в войну против оккупантов.

Такие же группы народного ополчения мы создавали и в других деревнях.

Активность партизан нашего отряда с каждым днем нарастала, захватчики все острее, все больнее ощущали их удары. Каждый день партизанские группы выходили на бсевые операции. Телефонно-телеграфные линии регулярно выводились из строя. Ряд мостов на Эссе и Березине были уничтожены. Засады на дорогах Борисов—Лепель отучали оккупантов свободно разгуливать по советской земле, а

иногда и значительные силы противника на этих дорогах подвергались нападениям партизан. Так, наш отряд отбил у фашистского конвоя колонну военнопленных, отряд Щербины устроил засаду на колонну гитлеровцев в Гороховском лесу, в результате более двухсот неприятельских солдат и офицеров были убиты, многие ранены. Да и в населенных пунктах фашисты уже не могли чувствовать себя спокойно — партизаны обстреливали их гарнизоны, делали налеты на них.

Нам стало известно, что в село Велевщина прибыл из Лепеля карательный отряд гитлеровцев и что утром они пойдут в облаву в Нешковский лес, где находились наши отряды.

Вечером Батя сказал:

— Пойдем погоняем фашистов в Велевщине, чтобы не повадно им было появляться в наших местах. Кстати, новичков проверим.

Накануне к нам прибыло около пятидесяти человек, еще не испытанных в деле.

Было подготовлено три группы, и ночью, пройдя более двенадцати километров, мы еще затемно подошли к Велевщине. Основательно прозябли. На рассвете послышался шум в селе, немецкая речь, звон котелков. Потом стало видно, как немцы ходят по селу.

Вскоре показалась группа немецких велосипедистов. Они ехали по два в ряд по дороге, проходившей возле нашего ельника. Батя приказал приготовиться, но без его команды огня не открывать. Фашисты приближались к нам, ничего не подозревая. Напряженное ожидание. И только тогда, когда расстояние сократилось до тридцати примерно метров, Григорий Матвеевич дал первую длинную очередь. По этому сигналу открыли огонь и остальные. Гитлеровцы валились с велосипедов или спрыгивали с них, ища укрытий на обочинах дороги, но ответного огня не открывали.

Новички держались отлично, а один из них, сержант Сарычев, с криком «ура!» кинул гранату и сам бросился преследовать врагов.

Оставшиеся в селе фашисты развернулись в цепь и, стреляя на ходу, двинулись на наш ельник.

Григорий Матвеевич приказал отходить в заболоченный лес. Немцы добежали только до его опушки, дальше не осмелились. А мы обошли Велевщину лесом и вышли се-

вернее села, где сидела в засаде группа капитана Черкасова.

Фашисты подобрали убитых и раненых, погрузили на подводы и поспешно покинули Велевщину. Но едва только они подъехали к лесу, мы обстреляли их снова. Оккупанты вернулись в село, выбрались на Лепельскую дорогу, но опять попали под огонь группы капитана Архипова...

Гитлеровцы отказались в этот день от облавы, с большими потерями вернулись они в Лепель.

Батя был доволен операцией и, объявив благодарность ее участникам, подчеркнул, что вот так всегда надо — лучше самим нападать, нежели ждать нападения.

Конечно, мы знали, что фашисты не оставят нас в покое. Они бросили на борьбу с отрядами Бати пехотный полк, усиленный танками, бронемашинами и минометами. Батя был доволен этим и говорил:

— Это хорошо, одним полком будет меньше на фронте.

Даже под угрозой такой мощной карательной экспедиции Григорий Матвеевич не хотел прекращать боевых операций. Наши партизаны должны были отойти в глубь Белорусского государственного заповедника, в чащи лесов, в лабиринты болот — ближе к Березине.

Сначала наш штаб расположился в поселке Нешково — центре заповедника. Отряды заняли подступы к Нешкову, вырыли окопы, оборудовали огневые точки.

— Конечно, мы понимаем, — сказал Батя, — что нам тут долго не удержаться, но бой примем, чтобы заставить врага уважать нас. Пусть он боится леса. Без боя нам все равно не уйти...

На рассвете начался бой. Трещали пулеметы, рвались мины и гранаты, на дорогах тархтели танки. Мы держались до обеда, дольше не могли, и Батя приказал отходить. Отходить не по дорогам, а прямо по лесу, через трюцобы и болота.

Немцы, пытавшиеся преследовать нас, вскоре отстали, но нам нелегко было продолжать движение по осенней распутице и бездорожью. Мокрые, холодные, голодные выбрались мы на островок в болоте и устроили там привал. Зажгли костры, сушились, отдыхали. Люди буквально падали от усталости.

Батя тоже пристроился возле одного из костров, но он не только сушился и грелся, он воспользовался привалом, чтобы собрать коммунистов и предупредить их: если сейчас

трудно, то будут моменты еще труднее; коммунисты должны помнить это и всеми мерами поддерживать бодрость партизан, дисциплину и сплоченность.

Двое суток мы осторожно двигались по лесам и болотам без отдыха и без еды — ни в один населенный пункт нельзя было показываться, в них — фашисты.

К утру остановились недалеко от села Острова. Выбрали сухое место для дневки, разложили костер, грелись, как могли, и опять голодные, настроение подавленное.

Вероятно, и Батя чувствовал себя неважно. Но как только рассвело, он встал, сбросил ватник и, оставшись в одной рубашке, не обращая внимания на погоду, принялся за свою ежедневную гимнастику. Он занимался так, будто бы ничего в отряде не случилось, будто это обыкновенный день на партизанской базе. Бойцы невольно оборачивались на него, сначала нехотя и даже с удивлением, а потом, когда Батя, окончив гимнастику, снял рубаху и начал умываться по пояс, многие партизаны вспомнили, что и они — закопченные, грязные после боев и походов — давно не умывались. Один за другим потянулись люди к неширокой осушительной канаве и начали приводить себя в порядок. А Батя, как ни в чем не бывало, продолжал туалет. Вынул бритву, кисточку, мыльницу, зачерпнул в котелок воды. Брился он без зеркала, сидя на бревнышке и устремив куда-то в пространство сосредоточенный взгляд. И брил не только бороду, но и голову — спокойно, аккуратно, не торопясь. Левая рука медленно двигалась по голове, а за ней следовала правая — с бритвой. Никаких порезов, никаких раздражений.

Я не раз наблюдал, как он бреется, но теперь это производило особое впечатление. Невозмутимое спокойствие Бати невольно передавалось другим. И казалось, что, смывая с себя грязь и копоть, соскабливая со щек мыльную пену и щетину, люди и внутренне очищаются, освобождаются от усталости, подавленности и сомнений, которые мучили многих после вчерашнего тяжелого дня. Все это создавало уверенность бойцов в своем командире и доверие к нему.

* * *

Первая партизанская зима была для нас особенно трудной. Кругом вражеские гарнизоны, частые облавы на нас, и не было еще связи с Большой землей.

Наши отряды действовали на территории трех районов: Лепельского, Чашникского и Хлопеничского. Центральная база (так мы именовали штаб, возглавляемый Батей) находилась в гуще лесных массивов, среди березинских болот. Там каждую ночь жгли костры, ждали самолетов из Москвы. Надеялись, что нас будут искать и дадут нам связь. Надеялись потому, что через линию фронта ушло несколько групп партизан, чтобы сообщить о нас на Большую землю. А когда к нам возвратились Кеймах и Щербина, а с ними прибыли радисты с рациями, не было предела нашей радости.

К маю отряды Бати значительно выросли и своими действиями охватывали огромную территорию. Куклинов оперировал под Полоцком, Щербина, Черкасов и Ярмоленко — под Молодечно. Я находился между Борисовом и Оршей. Центральная база оставалась на старом месте.

Мы были не одни. Активно действовали отряды Заслонова, Воронова, Кузина и несколько других партизанских групп. Зная их работу, Григорий Матвеевич считал, что они и без нас здесь справятся. А нам, хорошо снабженным взрывчаткой и связанным по радио с Большой землей, уже тесно становилось в этих местах.

— В Полесье такие же непроходимые места, как и здесь, но зато сколько там железных дорог! — говорил Батя, развертывая карту. — Барановичский узел. Брестский. Луинец. Калинковичи. — Он водил пальцем по карте и останавливался на маленьком голубом пятнышке севернее Пинска. — Вот куда надо идти...

Перед выходом Батя собрал коммунистов на лесной поляне, недалеко от лагеря, и беседовал с ними о сложности и трудностях предстоящего пути. «Сотни километров лежат перед нами, — говорил он. — Пойдем мы лесами, болотами, стараясь никому не попадаться на глаза, будем обходить населенные пункты. Каждый должен будет нести не менее двадцати килограммов груза».

* * *

21 мая наша колонна под командой Бати двинулась по азимуту, строго на юг, к Березине, через моховые болота, широко раскинувшиеся впереди. В густых коврах мха, под которыми ощущалась еще не оттаявшая твердая почва, партизаны вязли по щиколотку, по колено, спотыкались,

но упрямо шли за Батей. А он, казалось, не знал, что такое усталость, и с легкостью, удивительной для его возраста, шагал или даже прыгал по кочкам, которые по форме похожи были на большие муравейники и краснели от прошлогодней подснежной клюквы.

На другой день пришлось идти по пояс в болотной воде, под проливным дождем. Но никто не отставал. К половине дня выбрались на сухой островок недалеко от Березины, где стоял когда-то хутор Лубника, а теперь было место черного пожарища. Тут устроили привал перед переправой через Березину.

Ближе к реке идти стало еще хуже. Талая вода затопила луга, кустарники, берега исчезли. Вооружившись длинными шестами, мы нащупывали перед собой дорогу. Вода достигала пояса, иногда подымалась и выше.

В этой трудной обстановке Батя также оказался на высоте. У нас были водные лыжи, но ими почти не пользовались. Да и вообще у нас в стране водными лыжами редко кто увлекался. Вероятно, изобретатель их и специалисты-спортсмены даже не предполагали, что мы будем пользоваться их лыжами в боевых условиях, что они пойдут на вооружение партизан — разведчиков и подрывников. По способу Бати на них партизаны переправлялись через Неман, Днепр, Припять, Буг, Вислу и через другие реки.

Первоначальное испытание этих лыж на Домжерицком озере и на реке Эссе несколько разочаровало. Человек становился на лыжи, прикреплял их к ногам и... перевертывался вниз головой в воду. Григорий Матвеевич придумал свой способ пользования этими лыжами. Палками скрепляли их по три лыжи, получалось нечто вроде плотика, достаточно устойчивого и способного выдержать тяжесть любого человека. Спереди и сзади к этому плотику привязывали парашютные стропы, плот превращался в небольшой паром: оставалось только переправиться на нем на ту сторону реки, а потом перетягивать плотик взад и вперед столько раз, сколько потребуется.

Трудность представлял первый рейс, и его Батя решил сделать сам. Было это на реке Березине. Отдав одному партизану конец веревки, сел на плот, а потом, для большего удобства, улегся на нем и, гребя руками, медленно поплыл через реку. В этом месте река не особенно широка, но беспокойная весенняя вода сильно затрудняла перепра-

ву. Течение сносило плотик, поворачивало его, а у пловца не было ни весел, ни руля. Партизаны, не отрываясь, следили за каждым движением Бати, за легким покачиванием удалявшегося плотика.

— Доплыл!.. Вылезает!.. Готово!..

Все облегченно вздохнули.

* * *

Уже упоминалось, что Батя был знатоком леса. Он умел видеть и слышать в лесу много такого, чего не видят другие, и не раз удивлял нас этим умением. Зимой 1942 года мы ехали на встречу с подпольщиками в деревню Липовец. Вдруг Батя остановил ездового, вышел вперед, стал внимательно прислушиваться. Над лесом закружились вороны, каркая, они пролетели недалеко от дороги.

— Сворачивай, поедem в Ковалевичи, в Липовце немцы, — сказал Батя, — вороны зря не летают, их кто-то напугал.

Потом выяснилось, что в Липовце действительно дожидались нас каратели.

В половине мая 1942 года я был вызван из-под Борисова на центральную базу, которая тогда находилась на лесном островке среди Березинских болот, в четырех километрах от большака Бегомль—Лепель. С опушки леса были видны мост на большаке, охрана на нем и движущиеся по дороге немецкие машины. А в пяти километрах, севернее базы, в селе находился гарнизон оккупантов.

Часовых мы встретили не более как в полтораста метрах от лагеря.

— Вы очень беспечно живете, почти без охраны, — сказал я Бате.

— Почему без охраны? — ответил он. — Видишь вон журавлиное болото, оно нас и охраняет... Гляди!..

А чего там глядеть. Журавлей я видел много раз. Видел, как они серо-бело-черными стаями по сотне и больше птиц дремали, поджав одну ногу и спрятав клюв под крыло. Около каждой стаи нетерпеливо, с расстановкой, внимательно оглядываясь вокруг, прогуливался длинноногий часовой.

Батя понял, что я принимаю его слова за шутку, поздравил одного партизана.

— А ну-ка подойди к журавлям.

Боец пошел. Но едва он добрался до открытого места, караульный журавль из ближайшей стаи остановился, вытянул шею, курлыкнул что-то, и вся стая зашевелилась, заговорила на своем непонятном языке.

— Ну как? — спросил Батя.

— Да, — признался я, — охрана надежная.

Так вот и теперь получилось после переправы через Березину. Западный берег оказался не лучше восточного. Остаток ночи мы шли по лужам, и казалось, конца им не будет. А мы так устали, так хотелось выйти на сухое место, отдохнуть, обогреться, перемотать портянки.

Батя по-прежнему шел с шестом впереди. И вдруг где-то вправо от нас закуковала кукушка. Батя остановился.

— Слышите? — заметил он. — Пойдем на голос кукушки, она живет на сухом месте и недалеко от людей.

Вскоре мы и в самом деле вышли на сухой островок, устроили привал и обсушились.

Наш рейд на запад, продолжавшийся полтора месяца, был закончен. Мы вышли на Полесье. За это время наши отряды взорвали на железных дорогах тридцать два эшелона, уничтожили несколько вражеских заготовительных пунктов, баз и складов. Большая работа была проведена партизанами среди населения западных областей Белоруссии, в результате в пройденных нами местах возникло несколько новых партизанских отрядов.

Я командовал самым западным из наших отрядов, базировавшимся около того самого Выгоновского озера, к которому по первоначальным нашим планам должно было выйти все наше соединение. Работу там я продолжал до осени 1942 года, когда Григорий Матвеевич вновь вызвал меня на центральную базу. Он получил приказ Московского центра передать все хозяйство своему заместителю Черному (Банову) и вернуться в Москву. А я, как потом выяснилось, должен был уйти в западные области Украины, чтобы там создать такой же центр партизанского движения, каким являлся Батин центр в Белоруссии.

С небольшой группой партизан в ноябре я прибыл на центральную базу. Здесь меня радостно встретил Батя.

Мы сидели в землянке. Он раскинул передо мной большую, во весь стол, склеенную из нескольких листов карту. На ней красным карандашом были нанесены жирные круги, линии, стрелы.

— Вот здесь мы начинали, — сказал Батя, показывая на красные кружочки на Лукомльском озере, под Лепелем, в Березинских лесах. — Мы оттуда ушли, но там оставили наши отряды: капитана Бутенко, Ермакевича и группу лейтенанта Сутушко. А вот под Полоцком, недалеко от станции Ветреное, находится отряд Куклинова. Под Минском — бригада Щербины и Кеймаха, под Молодечно — бригада Черкасова. Возле железнодорожного узла Калинковичи находился Садовский. Под Пинском, Барановичами ваши отряды. Кроме того, наши рейдовые отряды действуют под Бобруйском, Столпцами. И на Украине мы уже имеем три отряда: Сазанов под Олевском, Насекин и Картухин под Ковелем.

Батя показывал нам с Черным эти кружочки и линии. Мне и без объяснений все они были понятны и памяты, но только сейчас, глядя на эту карту, я живо представил себе всю широту охвата его организаторской работы. Отряды Бати разбросаны были от Полоцка до Луцка и от Днепра до Западного Буга.

Заканчивая демонстрацию карты, Батя сказал:

— Надеюсь, что без меня этих кружочков станет еще больше...

Вскоре Григорий Матвеевич улетел на Большую землю. Но его отряды так и продолжали называть отрядами Бати. Крючков линий, как он и предполагал, стало еще больше. Наши отряды находились на Висле, дошли до Одера, побывали в Чехословакии.

Батя улетел, но мог ли он, такой беспокойный и деятельный человек, долго оставаться на Большой земле? Недаром в начале войны он сам для себя выбрал наиболее опасную и наиболее трудную работу. Он должен был к ней вернуться. И действительно, в мае 1943 года под Брестом появился командир партизанских отрядов полковник Льдов. Фамилия не знакома, но по делам, по почерку, как говорится, узнали мы возвратившегося в тыл врага Григория Матвеевича Линькова — партизанского Бати.